

1.4. Философия культуры и образования

УДК 140.8

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_136_148

К.С. Кудинова

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО В РОМАНЕ «ВОЙНА И МИР»

***Аннотация:** философско-исторические вопросы ставятся мыслителями на протяжении многих веков. Данная тема актуальна и по сей день. Некоторые философы предлагали свои ответы на вопросы, которые поднимаются философией истории: что такое история, есть ли у неё законы и конечная цель, что является «двигателем» истории. Л.Н. Толстой также разработал собственную философско-историческую концепцию. Он изложил её в формате романа, который на данный момент уже известен каждому человеку в России и даже за рубежом: он включен в школьную программу, считается важной частью художественной классической литературы, является ключевым элементом русского литературного наследия. Речь идет о романе «Война и мир».*

В данной статье будет рассмотрено то, как великий писатель и мыслитель представил свою концепцию философии истории в художественном облици, а именно, в формате романа-эпопеи о жизни русского общества во времена наполеоновских войн. Более того, в этой статье будет приведена попытка объяснить, что сподвигло мыслителя к написанию данного произведения, постановке такой глубокой, сложной и важной проблемы, как проблема войны, приводящей к уничтожению всех проявлений жизни, полному опустошению, разорению и отчаянию.

Кудинова Кира Сергеевна – студентка 2 курса бакалавриата РУДН (Москва). E-mail: kudinova_kira@bk.ru

Ключевые слова: философия истории, Л.Н. Толстой, «Война и мир», художественная литература, история.

Предисловие. Хотя представление об истории в своём первоначальном виде появилось ещё в Древней Греции, и первым историком мы считаем Геродота, термин «философия истории» появился намного позже. Его ввёл французский философ Вольтер, подразумевая под ним критическое отношение к истории, основанное на анализе и оценке многочисленных фактов, непосредственных данных и мнений о событиях прошлого. Но вопрос о существовании общих законов исторического развития был поставлен ещё позже немецким философом Гердером в работе «Идеи к философии истории человечества».

Вопросы, которыми занимается философия истории, волновали мыслителей на протяжении многих веков. А.Ф. Лосев смог доказать, что древние греки в своём понимании исторического процесса ориентировались на наблюдения круговоротов в природных явлениях – смены времени суток, времён года. Соответственно этому формировалось и их представление об историзме. «Античное понимание историзма будет складываться по типу вечного круговращения небесного свода, т.е. будет тяготеть к тому типу историзма, который мы выше назвали природным историзмом. Здесь именно природа будет моделью для истории, а не история – моделью для природы» – писал А.Ф. Лосев [4, 15-16].

Против греко-римских теорий цикличности развития истории резко выступили отцы христианской церкви. Они предложили идею провидения Богом хода и исхода истории, а также представление о линейном развитии истории, осуществляемом промыслом божьим. Признавая, что ход истории зависит от воли людей, они утверждали, что она predetermined Богом. Именно божественная воля в конечном итоге управляет поступками людей, и тем самым придает их деятельности единство и высший, божественный смысл.

Аврелий Августин выразил критику циклической теории развития истории в «О граде Божьем»: «Что же удивительного, если они, блуждая в этих круговращениях, не находят ни входа, ни выхода? Они не знают, ни откуда начались, ни чем покон-

чится род человеческий и ваша смертность, потому что не могут постигнуть высоты Божьей» [1, 505].

Позже взгляды философов и ученых на проблематику философии истории поменяли успехи в науке, достигнутые в XVII-XVIII вв. Эти взгляды строились на том, что, если есть наука, которая способна с помощью общих законов объяснить и успешно предсказать природные явления, то почему нельзя найти подобные закономерности в исторической науке? Эта мысль нашла многих приверженцев среди французских философов. Особенно настойчиво эту программу пропагандировал Н. Кондорсе в «Эскизе об исторической картине прогресса человеческой — мысли», где он утверждал, что принципы новой науки об обществе могут служить не только для объяснения хода истории, но и для предвидения основных черт будущего развития. Оптимистические прогнозы о создании социальных наук, опирающихся на понимание законов человеческой природы и взаимодействия людей в обществе, подвергались критике.

В России же проблематика философии истории была затронута во второй половине XIX в. русскими религиозными философами (В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин и др). Л.Н. Толстой, выразив свою концепцию философии истории в романе «Война и мир», очень органично и вовремя вписался в актуальную проблематику философской мысли того времени.

Зарождение концепции философии истории. Л.Н. Толстой, как многим известно, был очень непростым человеком. Он обладал сложным характером, необычными, расходящимися с большинством, взглядами, страдал от различных психологических недугов или неблагоприятных умонастроений. В подтверждение данного тезиса представляю цитату жены Л.Н. Толстого, С.А. Толстой: «Сорок восемь лет прожила я со Львом Николаевичем, а так и не узнала, что он был за человек» [6, 58]. Она произнесла эти слова спустя десять лет после смерти мужа во время разговора с его биографом Полнером.

Лев Николаевич задавался различными экзистенциальными вопросами: особенно сильно его волновала проблема смерти и смысла жизни. Причем его ответы не отличались оптимизмом. Многие его исследователи утверждают, что писатель был крайне непостоянен в своих взглядах. Так, например, Б.В. Яковенко

говорил о Толстом следующее: «Реконструировать философское учение Льва Толстого ещё труднее, чем учение Михайловского: настолько его высказывания не систематичны, фрагментарны и разбросаны. К тому же вряд ли кто из известных мыслителей мыслил столь противоречиво, меняя столь быстро свои точки зрения, часто сам того не замечая, как Толстой» [9, 316].

Предыдущий тезис, подтверждение которому будет приведено далее, обусловлен тем, что Лев Николаевич пережил несколько кризисов, разделивших его жизнь на определённые периоды. В зависимости от смены периода многое менялось и во взглядах мыслителя, в т.ч. он менял своих учителей в философском мире, не говоря уже об отношении ко многим другим вещам, а особенно в отношении религии. По словам Гессена, «Толстой по-своему повторил тот путь, который был пройден философией от Руссо через Канта до Шопенгауэра» [2, 36].

Главным из тех жизненных кризисов, что были пережиты Толстым, является тот, где изменились его взгляды, касаемые веры и религии. В романе «Война и мир» мы можем лишь разглядеть некоторые фрагменты, сигнализирующие о будущем переломе.

Как уже упоминалось выше, Льва Николаевича очень волновали вопросы на тему жизни и смерти. Именно так, по утверждению М.М. Рубинштейна, он пришел к написанию одного из своих главных трудов — романа «Война и мир». «При зачатках того настроения, которое в будущем должно было развиться в полный религиозный и моральный перелом, Толстой был охвачен ужасом перед массовыми убийствами, разорением, пожаром и т.д., сопровождавшими историческую эпоху наполеоновских войн. Л.Н., как он сам пишет в «Исповеди», не только участвовал в войне, он и убивал, и тем не менее перед ним не вставал этот вопрос во всей его моральной величине» [5, 179].

Теперь же Лев Николаевич поставил вопрос, который привел его к разработке собственной философско-исторической концепции. Он пишет: «Какая власть заставила миллионы людей, христиан, исповедующих закон любви ближнего, убивать друг друга? Что такое всё это значит? Отчего произошло это? Что заставляло этих людей сжигать дома и убивать себе подобных? Какая сила заставила людей поступать таким образом?» [8, 417].

Здесь же следует заметить, что Лев Николаевич, не будучи сам верующим человеком, относился к религии ответственно, а верующих людей считал счастливыми, сам предполагал, что они имеют очень серьезное отношение к собственной вере, поэтому уточнение о том, что убивающие друг друга люди были христианами, очень важно. Следовательно, данная антиномия в действительности заставила Льва Николаевича обратиться к изучению этих причин в отношении к другим историческим событиям.

Так, последовательно, шаг за шагом, Л.Н. Толстой пришёл к постановке вопроса о смысле и цели истории, и всех вытекающих из него вопросов. Ответы на них он попытался дать в совершенно неожиданном формате – в виде художественного романа. М.М. Рубинштейн утверждает, что такой жанр обыкновенно не пригоден ни для постановки, ни для разрешения теоретических проблем. Однако у Толстого был пример романов с философским замыслом. «Эмиль» Жан-Жака Руссо стал ключевой вещью для Льва Толстого. По словам самого писателя, сказанным уже в семидесятилетнем возрасте, с пятнадцатилетнего возраста Руссо был его учителем: «Руссо и Евангелие, вот два великих и благодетельных влияния, которые я испытал в жизни» [8, 13].

Особенности концепции Л.Н. Толстого. В романе «Война и мир» Л.Н. Толстой представляет читателю собственную философию истории, отчётливо выступающую сквозь «толщу» художественности.

Как известно, Толстой в то время имел негативные представления по поводу науки, так как она не могла предоставить ответы на волнующие его вопросы. Степун, анализируя личность и творчество писателя, говорит о нём следующее: «Рассказывая в “Исповеди” о своих упорных, мучительных исканиях ответа в науке, он сообщает, что пришел к мнению Экклизиаста, что умножение познания лишь умножает скорбь, и что прав Соломон: все в мире – и глупость и мудрость, и богатство и нищета, и веселье и горе – все суета сует. Человек умрёт и ничего не останется. То же самое, отмечает Толстой, утверждал и Будда: “Жить с сознанием неизбежности страдания, старости и смерти нельзя, надо освободить себя от жизни, от всякой возможности жить”. Не найдя разрешения своим вопросам в книгах, Толстой

стал искать их в людях. Живут же они, — думалось ему, — значит, знают и смысл жизни. Сначала он обратился к людям своего круга и быстро установил, что их жизнь лишена всякого смысла» [6, 62].

Тем не менее, несмотря на негативное отношение писателя к научному знанию, мы сможем рассмотреть в романе цельную, достаточно продуманную и развитую теорию. Доказательствами этому могут послужить отдельные главы теоретического характера, которые встроены в произведение в виде введений к отдельным частям произведения. В романе мы можем рассмотреть тщательную работу философской мысли автора; дело лишь в отсутствии научного аппарата, от которого писатель отрёкся и выбрал художественный стиль повествования для изложения своей теории.

Если западные философы обладали собственным, уже выработанным для написания трактатов, языком, то у русских философов такого языка ещё не было, и авторы русских философских романов, Толстой и Достоевский, как бы изобретают заново свой язык рассуждения и размышления изнутри художественного опыта. Они отвечали на вечные вопросы философского мышления, но отвечали не по уже спроектированным в западной философии понятийным схемам, а творя новый язык. Как замечает М.М. Рубинштейн, «в основе романа — определённый взгляд на историю, и всё произведение без труда можно рассматривать как блестящую художественную иллюстрацию этого взгляда» [5, 177].

Последствием данной завуалированности теории Л.Н. Толстого является то, что исследователь, изучающий произведение, вынужден «впиваться» в сюжет, читая между строк и рассматривая в художественных образах единую мысль автора, которая протягивается через всё повествование. Также важно отметить и то, что общие вопросы, которыми задаётся Лев Николаевич в контексте философии истории распределены здесь по отдельным главам. Необходимо оговориться и о том, что писатель не ставит перед собой цели понять и осмыслить историю как науку, он стремится понять её как действительность.

Ответы на вопросы философии истории. Итак, о каких вопросах идет речь? Во-первых, Толстой задаётся вопросом о движу-

шей силе истории. Здесь он подвергает критике взгляды о том, что движущей силой истории является власть. Такие взгляды были популярны в его время. Здесь субъектом власти выступает Наполеон, чьи представления о себе как «двигателе истории» или как о «великом человеке» высмеиваются: Толстой представляет Наполеона в роли мальчика, который играет в кучера — он дёргает за поводья неподвижной повозки, имея убеждение о том, что он управляет ею. Ни один человек, какой бы властью он ни обладал, не может являться двигателем истории, так как история в представлении Л.Н. Толстого разворачивается в веках, а человеческая жизнь — лишь маленький отрезок, момент, по сравнению с масштабами истории. «Ничто не причина. — замечает он, — Всё это только совпадение тех условий, при которых совершается всякое жизненное, органическое, стихийное событие...» [7, 20].

Но что же тогда приводит в движение эту самую повозку? Толстой утверждает, что «великие люди», стоящие у власти есть лишь своеобразные марионетки в руках той таинственной силы, что управляет миром и, соответственно, движет историей. Для писателя таинственной силой представляется Божественная воля, которая при помощи Провидения осуществляет необходимое.

Уже было сказано о Наполеоне как о марионетке, с помощью которой вершит свой план Божественная воля. Но о Наполеоне было упомянуто не только как о конкретной личности и «великом человеке», каковым он себя видит, но и как о фигуре, в которой концентрировалась власть. О власти Толстой говорит как о феномене, содержание которого нам неизвестно. По какой-то причине люди действуют в соответствии с чужими убеждениями. Если нам неизвестна суть власти, тогда как же мы можем объяснять ею движение исторического процесса?

Из общего вопроса о движущей силе истории и возникают следующие производные вопросы: о роли личности в истории, о свободе воли и, самое главное, о природе этой таинственной силы, управляющей ходом истории, — благая она или нет, и необходимы ли те страшные события, через которые проходит человечество? Л.Н. Толстой приходит и к фундаментальному вопросу о том, для чего Бог или Божественная воля проводит людей через все горести человеческой жизни — война, голод, страх, смерть — и можно ли обойтись без этого?

Совокупность вопросов и ответов в «Войне и мире» позволяет нам понять взгляды на историю русского писателя. При этом необходимо напомнить о том, что он рассматривает историю не как науку, а как действительность. В этом заключается разница между историками и философами, выступающими в роли исследователей, и Л.Н. Толстым, в котором сошлись философ и художник. Он не рассматривает философию истории с методологической и теоретико-познавательной точек зрения.

Следующей проблемой, которой интересуется Толстой, является закономерность законов истории. Для того, чтобы выявить какие-либо законы, необходимо обратиться к причинам тех или иных событий. Но уже на этом шаге возникает проблема – историческая действительность нигде не даёт отдельных причин, мы повсюду сталкиваемся с непрерывными и бесконечными причинными рядами. Для того, чтобы смочь выявить некоторые закономерности, мы «вырываем» часть из ряда причин и выдаем её за некоторый закон. М.М. Рубинштейн объясняет позицию Л.Н. Толстого следующим образом: «Человеку становятся понятны законы какого-либо движения только тогда, когда он рассматривает произвольно взятые единицы этого движения» [5, 181]. Единственным устраивающим нас ответом можно считать ссылку на первопричину – причину всех причин. В этой связи Лев Николаевич последовательно заключает: «Причин исторического события нет и не может быть, кроме единственной причины всех причин» [7, 285].

Теперь посмотрим на роль личности в истории в концепции Л.Н. Толстого. Он совершенно принижает её значение. Это был тот самый период жизни писателя, когда он, вслед за Руссо, отрицал культуру, но поскольку, по меткому выражению Наторпа, личность есть нулевая точка культуры, личность стала предметом отрицания для самого Толстого.

Толстой видит значение человека в историческом процессе лишь в ситуациях, в которых люди действуют бессознательно. Русский писатель словно измеряет значение человека в его полезности для осуществления неизвестной нам общечеловеческой цели. Он объясняет это тем, что тот, кто совершает какие-либо действия бессознательно, не обдумывая своих поступков, не задумываясь о личном благе и выгоде, составляет больше

пользы для всеобщего дела. А Толстой в то время очень ценил всеобщность, и это проявляется в его романе. Здесь в качестве иллюстрации можно привести общую жизнь, в которой пребывает Платон Каратаев и раствориться в которой мечтает Пьер Безухов. Примером полезности лишь бессознательной деятельности могут послужить поступки героев романа, которые совершенно противоположны друг другу. Так, Андрей Болконский в диалоге с Пьером Безуховым о войне говорит, что не знает, для чего он идет на войну: «Для чего? Я не знаю. Так надо. Кроме того, я иду» ...Он остановился. «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь не по мне»» [7, 32].

Рассмотрим поступок капитана Тушина. Эта пьяная маленькая фигура неожиданно не только для кого-либо, но и для себя самого, заслоняет собой призванных героев. Он, не подозревая о своей роли и нисколько не догадываясь о своей значимости, становится в данной ситуации решающей силой. При этом важно показать, что Тушин действительно не понимал своего значения. Доказательством этому служит то, что когда Багратион после окончания дела спрашивает его, каким образом он потерял две из своих пушек, он испуганно молчит, в сознании своей мнимой вины. «Тушину теперь только, при виде грозного начальства, во всём ужасе представилась его вина и позор в том, что он, оставшись жив, потерял два орудия» [7, 153].

Толстой исключает возможность полезной сознательной деятельности для достижения общечеловеческой цели, утверждая следующее: «В исторических событиях очевиднее всего запершение вкушения плода древа познания. Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения» [7, 254]. Здесь мы можем отметить, что для Толстого исторические события – стихийны.

Теперь же мы можем перейти к рассмотрению вопроса о смысле и цели истории в концепции русского писателя. Только из того, что человеческая деятельность может быть полезной только в том случае, если она бессознательна, и таким образом может способствовать достижению таинственной общечеловеческой цели, о которой нам неизвестно, становится ясно, что у истории есть и цель, и смысл. Они сводятся к достижению

неизвестной человечеству цели. Но если эта цель носит не человеческий характер, то наверняка божественный. Здесь проглядывается назревающий религиозно-философский мотив в философии Толстого. Рубинштейн, говоря об этом, делает интересное предположение о том, что если бы эти цели были познаваемы, то это стало бы уже религиозным учением. И здесь же проявляются отголоски планов молодого Льва Николаевича: основать новую религию, соответствующую развитию человечества.

Рубинштейн делает замечание о том, что Толстой близок в своей философско-исторической концепции к философии истории Гегеля. Сходство заключается в том, что они оба совершенно обесценили роль личности в истории: у Толстого индивид бессознательно служит истории, а у Гегеля индивиды приносят свою «дань» объективному духу, прислуживая ему помимо своей воли. В обоих случаях история случается по необходимости.

Таким образом, в обеих концепциях существуют и смысл, и цель истории. Разница лишь в том, что Гегель смог назвать их, а Толстой, который уже отошел от позитивистских взглядов того времени и приближался к религии, изъясил их из области допустимого человеческому пониманию, признав их божественность. Ещё одно сходство двух мыслителей заключается в том, что они оба отошли от своих же идей. Дело в том, что Гегелю пришлось признать возможность существования таких индивидов, которые знают, что требуется и необходимо совершить. Получается, что они способны видеть будущее. Толстой также наделяет одного из персонажей даром к Провидению. Этим человеком в его романе является главнокомандующий Кутузов, и он один, по мнению Льва Николаевича, понимал сущность дела. Только в этом случае мы можем говорить о некоторой полезной сознательной деятельности людей.

Из этого мы можем сделать вывод о том, что личность у Толстого в конечном счете возвышается. Можно сказать и о том, что уже после «Войны и мира» Толстой скажет, что личность — носитель Божественной искры, так как индивид является обладателем разума, а разум — мощь, способная победить весь мир. Получается, что Л.Н. Толстой приходит к сообразности стихийности исторических событий и разумной деятельности отдель-

ных людей. В противном случае не разрешается вопрос о свободе воли. Толстой одаривает человека свободой воли, а соответственно, ответственностью, говоря, что за каждое событие каждый индивид, его участник, несёт ответственность.

Выходит, что в контексте «Войны и мира» мы должны называть каждого солдата страшным преступником, так как он убивал себе подобных, сжигал чужие дома и совершал ужасные вещи именно по собственной воле. Но здесь вмешивается Толстой-художник и не соглашается с идеей Толстого-философа, надеясь каждого человека чувствами, живостью и динамикой. Степун говорит о таланте Толстого следующее: «Все его герои и героини ощущаются не как двумерные портреты, написанные кистью, а скорее как вылепленные из материала собственной жизни трёхмерные образы. Создать такое обилие непохожих друг на друга людей мог, конечно, только человек громадного внутреннего и притом противоречивого богатства» [6, 58].

Обратив внимание на сцены романа, можно понять, что люди намного простодушнее, чем представляется философу, и не рассматривают ситуацию в каждый момент жизни с глобальной точки зрения. Достаточно вспомнить сцену, в которой Рамбаль и Пьер Безухов встречаются в одном доме впервые в жизни и ведут душевную беседу в Москве, сердце России, занятой французами. Так, Толстой-художник придаёт сухой теории Толстого-философа больше живости, не давая забывать о том, что описываемое им положение дел должно иметь место в действительности, а следовательно, должно от неё отталкиваться и быть к ней приурочено.

Особенности рассмотрения философских работ Л.Н. Толстого. На этом этапе анализа мы уже можем понять, что Л.Н. Толстой действительно являлся противоречивым мыслителем. Если проследить его биографию, то можно увидеть, что это обосновано событиями, которые происходили в его жизни, а также мыслителями, на взгляды которых он опирался. Так, например, по мнению Гессена, его жизнь прошла под особым влиянием трех разных философов: Руссо, Шопенгауэра и Паскаля. В зависимости от того, какой период переживал Толстой, его взгляды поддавались изменениям; Толстой и сам никогда не был удовлетворен своими решениями. «Искать, всегда искать» [6, 86], – эти

последние слова на его смертном одре полнее всего выразили характер писателя не только как мыслителя, но и как человека.

Поэтому при рассмотрении философии Л.Н. Толстого нам необходимо помнить о тех событиях, которые происходили в его личной жизни. При рассмотрении его творчества необходимо быть хорошо знакомым с его биографией, иначе может показаться, что он непоследователен и противоречит самому себе. Мы считаем, что труды Льва Николаевича необходимо рассматривать с точки зрения историцизма. В. Дильтей говорил, что «Историцизм ориентирован на относительность всех явлений без какого-либо исключения, ибо историческое познание не может выйти за пределы жизни» [3, 28].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аврелий Августин*. О граде Божьем. – М.: «Директмедиа Паблишинг», 2009. – 505 с.
2. *Гессен С.И.* Leone Tolstoj. URL:http://dugward.ru/library/gessen_s_i/gessen_lev.html (дата обращения: 14.03.2023 г.).
3. *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе // Собрание сочинений. В 6 т. – М.: «Три квадрата», 2004. – Т. 3. – С. 17-52
4. *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. – СПб.: «Алетейя», 2000. – 258 с.
5. *Рубинштейн М.М.* О смысле жизни: труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – Т. 2 – С. 177-181.
6. *Стенун Ф.А.* Религиозная трагедия Льва Толстого. // URL: http://www.odinblago.ru/stepoun_vstrechi/4 (дата обращения: 14.03.2022 г.).
7. *Толстой Л.Н.* Война и мир. – М.: Издательство «АСТ», 2019. – Т. 2-3. – С. 20-417.
8. *Толстой Л.Н.* Избранные письма 1900-1910 гг. – М.: «Книга по Требованию», 2011. – С. 13-56.
9. *Яковенко Б.В.* История русской философии. – М.: «Республика», 2003. – 316 с.

Kudinova K.S.

PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL CONCEPT IN L.N. TOLSTOY'S NOVEL «WAR AND PEACE»

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow). E-mail: kudinova_kira@bk.ru

Abstract: *all the times philosophers have asked questions about philosophy of history science problems: what is the history science? This topic is relevant to this day. Some philosophers offered their answers to the*

questions raised by the philosophy of history: what is history, does it have laws and an ultimate goal, what is the “engine” of history. L.N. Tolstoy also developed his own philosophical and historical concept. He presented it in the format of a novel, which is already known to everyone in Russia and even abroad: it is included in the school curriculum, is considered an important part of classical fiction, is a key element of the Russian literary heritage. We are talking about the novel “War and Peace”. This article will examine how the great writer and thinker presented his concept of the philosophy of history in an artistic guise, namely, in the format of an epic novel about the life of Russian society during the Napoleonic Wars. Moreover, this article will attempt to explain what prompted the thinker to write this work, to pose such a deep, complex and important problem as the problem of war, leading to the destruction of all manifestations of life, complete devastation, ruin and despair.

Keywords: *philosophy of history, L.N. Tolstoy, “War and Peace”, literature, history.*

REFERENCES

1. *Avrelii Avgustin*. O grade Bozh'em. – M.: «Direktmedia Publishing», 2009. – 505 p.
2. *Gessen S.I.* Leone Tolstoj. URL:http://dugward.ru/library/gessen_s_i/gessen_lev.html (data obrashcheniya: 14.03.2023 g.).
3. *Dil'tei V.* Postroenie istoricheskogo mira v naukakh o dukhe // *Sobranie sochinenii v 6 tomakh*. – M.: «Tri kvadrata», 2004. – T. 3. – Pp. 17-52
4. *Losev A.F.* Antichnaya filosofiya istorii. – SPb.: «Aleteiya», 2000. – 258 s.
5. *Rubinshtein M.M.* O smysle zhizni: trudy po filosofii tsennosti, teorii obrazovaniya i universitetskemu voprosu. – M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2008. – T.2 – Pp. 177-181.
6. *Stepun F.A.* Religioznaya tragediya L'va Tolstogo. // URL: http://www.odinblago.ru/stepoun_vstrechi/4 (data obrashcheniya: 14.03.2022).
7. *Tolstoj L.N.* Voina i mir. – M.: Izdatel'stvo «AST», 2019. – T. 2-3. – Pp. 20-417.
8. *Tolstoj L.N.* Izbrannye pis'ma 1900-1910 gg. – M.: «Kniga po Trebovaniyu», 2011. – Pp. 13-56.
9. *Yakovenko B.V.* Istoriya russkoi filosofii. – M.: «Respublika», 2003. – 316 s.

Статья поступила в редакцию – 22.03.2023 г.